ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ
АНИМЕ
ПРИЛОЖЕНИЕ DVD
«ДЮНА»
МИР ФАНТАСТИКИ
WWW.MIRF.RU
№3
ТАЙНЫЙ ГОРОД
МИР ВАДИМА ПАНОВА
ЛУИС РОЙО
ЛЕДЯНОЙ СОН
КОСМИЧЕСКАЯ ОПЕРА
CD
DVD
WARHAMMER 40000
ЭЛЬФЫ И ОРКИ В КОСМОСЕ
ЗВЕЗДЫ И ФАНТАСТИКА ВО ВСЕХ ПРОЯВЛЕНИЯХ

SHOUT
SHARE
IT

- Ксения Голубкова

Ксения Голубкова
Абсолютное бессмертие

Хочу записать все по порядку,

так как в противном случае

могут сказать, что я,

Ван Хельсинг, сошел с ума…

Брэм Стокер, «Дракула»

Ей нравится видеть, как время меняет

Что будет, на все то, что было.

Холодное сердце печалью застыло,

И каждое утро ее бесконечно…

Мне хочется спать.

Она жить будет вечно.

Dolphin, «Сахар»

1

Ритм пульсировал всплесками звука и света, волнами проходя по задымленному воздуху, вибрируя, отзываясь дрожью во всем вокруг. Ритм завораживал, обжигал, порабощал, погружая извивающихся в агонии людей в багровую солоноватую музыку с привкусом металла.

Она стояла в самой гуще этого месива цвета, звука, запаха и человеческих тел. Разноцветные отблески гуляли по бледной коже, преломлялись в больших зеленых с голубым ободком глазах, скользили по точеному лицу, изгибам бровей и черным волосам, в которых ярко выделялась ярко-красная прядь. Ее не замечали. Не хотели замечать. И не смогли бы, если бы захотели.

Ей было вполне достаточно солоноватого вкуса на языке, чтобы выйти на след.

Добыча была рядом — только протяни руку…

Тонкие белые пальцы, выпустив когти, полоснули сигаретный дым. Добыча, взяв под руку совсем юную девочку с легкомысленным голубым мелированием в коротких волосах, проскользнула на улицу. Кроваво-красные губы черноволосой женщины насмешливо скривились — все равно она уже взяла след. Можно было уходить, убегать, прятаться… это уже не имело значения. У добычи не было шансов.

Раз, два, три, четыре, пять… я иду искать.

Страшно? Нет? Зря…

Дверь черного хода распахнулась, и на задворки ночного клуба прокралась, принюхиваясь, гибкая тень. Сделала нерешительный шаг. Еще принюхалась. Недовольно вздохнула и вышла на свет.

За мусорным баком с шипением заканчивало распад то, что должно было быть ее добычей.

Черт побери, *ее* добычей!

Черноволосая женщина с холодностью и презрением профессиональной убийцы изучила дымившиеся останки и, задумчиво поддев их мыском оплетавшей ремешком ее ногу до колена босоножки на тонком каблуке, огляделась. Кто бы ни нарушил ее охотничью территорию, он был совсем близко.

Женщина неуловимой походкой паука беззвучно просочилась сквозь дыру в ограждении и свернула в узкий проулок.

И резко остановилась, уставившись на потертое распятие, раскачивавшееся на цепочке перед ее носом.

— Профессор, — секунду помолчав, сказала она, — ваши методы устарели. Кресты отпугивают только низших вампиров, да и то не всех.

Цепочка с распятием с той же скоростью, с которой порхают карты в руках у шулера, исчезла в ладони скрытого тенью человека. Из темноты послышался хриплый голос:

— С высшими вампирами можно договориться. А для остальных есть аргументы потяжелее. С кем из вышеозначенных имею честь общаться?..

— Ни с кем. Я особый вид нечисти, профессор, — угрюмо улыбнулась женщина.

— Достаточно осведомленный вид, как я погляжу, — усмехнулись в темноте.

— Вы сегодня популярны.

— Популярна фамилия. Не нужно обобщать. — Голос в темноте помолчал пару секунд и спросил: — Как вы узнали, кто…

— Я слишком хорошо знакома с вашей семьей, профессор *Ван*

Хельсинг, — чуть повела бровью женщина, отвечая на неоконченный вопрос. — Века эдак с девятнадцатого. Вас сложно не узнать.

— В таком случае, я в худшем положении, — хрипло усмехнулись из темноты. — Я не знаю, кто вы.

— Зато вы видите мое лицо, — парировала женщина.

— Этого недостаточно, — отозвался человек, выходя на свет.

— Похож, — вырвалось у женщины.

Тусклый отблеск уличного фонаря обрисовал не слишком высокую, слегка сутулую — отпечаток долгого сидения за кафедрой — фигуру в бежевом плаще и потертой шляпе, из-под которой выбивались волосы такого цвета, что нельзя было понять, светлые они или совершенно седые. Тень от полей шляпы падала на лицо, но не могла скрыть ни пронзительно-светлых, ясных голубых глаз, смотревших из-под устало опущенных бровей, ни двухдневной щетины — бритва явно не значилась в числе ближайших друзей этого человека. А может, на бритье у него не всегда хватало времени… Его обветренное лицо, на котором были заметны неглубокие шрамы, было пронизано паутиной морщинок, которые лучиками расходились от уголков глаз — было видно, что это лицо часто улыбается, часто смеется, порой даже хохочет… Вот только женщина сомневалась в том, что его льдистые глаза часто переставали быть холодными.

— Похож? — переспросил человек, приподняв брови. Голос у него был сиплый, прокуренный. — На кого?

— Абрахам Ван Хельсинг, доктор множества наук… — Она позволила себе усмешку: — Один из ваших наиболее заметных предков. Практически мифическая фигура, вы не находите?..

— Теперь вы видите мое лицо, — ненавязчиво напомнил человек, склонив голову.

Женщина слегка улыбнулась и задумчиво проговорила:

— Мое имя слишком старо, его сложно произнести, профессор…

— Я не ищу легких путей.

Улыбка женщины дрогнула, и под внимательным взглядом прищуренных глаз человека она произнесла одно слово:

— Нитокрис.

Брови профессора медленно поползли вверх синхронно с тем, как взгляд начал опускаться вниз, окидывая фигуру женщины целиком. Взгляд профессора задержался на охватывавшем ее шею, частично скрытом воротником черной блузки тяжелом, тускло отсвечивавшем нефритовыми вставками и позванивавшем подвесками из желтого металла ожерелье, покрытой затейливым иероглифическим узором длинной асимметричной юбке с

запахом, выглядывавших из-под подола пальцах ног со слишком длинными для человеческих черными когтями, краешке орнамента, змеившегося по левой щиколотке…

— Для меня большая честь, — подбирая слова, медленно проговорил он, — встретить саму царицу ламий и всех высших вампиров… э-э… во плоти.

— Взаимно, — лицо черноволосой снова озарилось приятной улыбкой, в которой не было видно даже кончиков зубов. — В таком случае, перейду к делу… Почему вы здесь охотитесь, профессор? Это уже год, как моя территория.

— Я убил кого-то не того?

— Почему же, нет… просто лишили меня десерта. Я давно не пила крови, — улыбка стала много шире, не переставая быть приятной.

Женщина отметила тот факт, что Ван Хельсинг немного изменился в лице, увидев ее зубы. Теперь наверняка захочет сделать слепок…

Помнится, в этом она отказала и его прадедушке, и его троюродной бабушке.

Она еще не решила, есть ли шансы у внучка.

— Я могу как-нибудь загладить вину? — вопросительно приподнял брови профессор, отрывая взгляд от ровного ряда похожих на акульи конических зубов, чуть загнутых внутрь.

Нитокрис пожала плечами, на что ожерелье отозвалось мелодичным перезвоном:

— Составьте мне компанию.

2

Бармен, протиравший стаканы за стойкой, покосился на угловой столик со смесью неодобрения и непонимания.

Это была очень странная пара. Даже чересчур.

Длинноногая брюнетка, откинувшись на спинку стула и рассматривая на просвет стеклянный бокал с мутным напитком бледно-желтого цвета, что-то рассказывала сидевшему напротив нее уже немолодому человеку, походившему не то на ученого, не то на художника — в понимании бармена и те, и другие были слегка «с прибабахом». Человек внимательно ее слушал — именно слушал, а не тупо пялился на ее потрясающую фигуру, в отличие от большинства присутствующих мужчин, в число которых входил и сам бармен.

«Точно с прибабахом», — вздохнул бармен, проследив направление взгляда человека за столиком черноволосой рассказчицы. — «Как будто у нее ниже лица не на что

посмотреть…».

Вот только собеседника брюнетки, видимо, не слишком интересовали внешние данные.

— Но вы ведь не просто ламия, — заметил он. — Хотя бы чисто внешне.

— Судите по строению челюсти? — усмехнулась женщина.

— У вас… интересный… прикус, — тщательно сформулировал Ван Хельсинг. — Я был бы рад… заиметь слепок.

Женщина прыснула со смеху:

— Я ждала этой фразы!

Профессор изумленно вскинул брови:

— В смысле?..

— Это дежурный комплимент вашей семьи, — отсмеявшись, пояснила Нитокрис. — Вы истинный Ван Хельсинг, профессор…

— Можно считать, что комплимент удался? — заломил бровь человек.

— С моей челюсти еще нет слепков, — тонко усмехнулась вампирша, — и я не знаю никого, у кого был бы шанс получить разрешение на то, чтобы его сделать.

— Я могу стать первым, — скромно предложил охотник на вампиров.

Нитокрис проде*монстр*ировала весь набор зубов в широкой улыбке:

— Попробуйте.

Бармен не смотрел на ее лицо. Как и все остальные. И не видел того, что у нее во рту.

Как и все остальные.

— …разница в строении ДНК исключает гибридизацию, — закончила свой монолог царица ламий, сидя на каменной ограде моста, свесив одну ногу вниз, а другую согнув в колене. Босоножки на тонком каблуке стояли рядом, на мостовой. — Полулюдей-полувампиров не бывает — во всяком случае, согласно теории.

— Жаль, — отозвался Ван Хельсинг. Профессор сидел рядом, на той же ограде, и смотрел на то, как на востоке разгорается небо. — Это было бы интересно.

— Это было бы противоестественно, — возразила Нитокрис. — Как говорится, кесарю — кесарево… Было бы неприятно знать, что люди пьют кровь.

— Они и так ее пьют…

— Если вы о вторичных вампирах, то я не могу назвать их людьми. Они уже другие, профессор. Нечисть.

— А кто тогда низшие вампиры?

— Проклятые упыри, — с тщательной артикуляцией и совершенно каменным лицом четко проговорила Нитокрис. Обернувшись к человеку, она заломила бровь. — Такой эпитет подойдет? Они вообще… неодушевленные.

В ее голосе сквозило отвращение.

— Занятное мнение для царицы вампиров… — Ван Хельсинг криво улыбнулся. — В чем же отличие высшей… нечисти от людей? Они не нуждаются в постоянной подпитке чужой кровью, они, как и люди, порой убивают для самозащиты, не боятся солнца, осины, святой воды, освященного серебра…

— …чеснока, — в ответ улыбнулась вампирша, продолжая его фразу. — Сказки про этот милый овощ не лишены очарования, не так ли, профессор?

— Есть немножко… Так в чем же разница?

— Физические данные организма, — отозвалась Нитокрис, щуря сине-зеленые глаза на полоску рассвета. — Выносливость, в первую очередь. И продолжительность жизни. Те же ламии живут в среднем, по самым скромным прикидкам, лет по двести-триста… Может, после этого среди людей и пошли истории о вечно юных эльфах?

Профессор пожал плечами. Восток стремительно светлел, окрашивая небо розовато-лиловым, мерцая тусклым золотом, расцвечивавшим серый камень мостовой, темные воды канала, стекая робкими лучами по стенам домов. В волосах царицы вампиров кроваво алела одинокая красная прядь, свет просыпавшегося солнца сиял в нефритах ожерелья, поблескивал в двуцветных глазах, золотил профиль женщины, делая ее похожей на красивую, изящную статую из розового песчаника.

— А вы сами? — помолчав, спросил Ван Хельсинг. — Кто вы, особый вид нечисти?

— Вы повторяетесь. Подобный вопрос уже звучал.

— Но вы на него не ответили.

Женщина повернула голову, удостоив мужчину взглядом.

— Я — Нитокрис. Пожирательница младенцев. Геката, как меня называли в Элладе — богиня смерти. Таких, как я, больше нет.

— Почему вы в этом так уверены?

— Потому что на этой Земле нет других *абсолютно* бессмертных существ, — жестко сказала женщина.

— Абсолютно? — переспросил Ван Хельсинг, словно не веря, что правильно ее понял.

— Меня не берут ни болезни, ни голода, ни изменения температуры, — глухо сказала она, глядя на поднимавшееся над городом солнце. — Я не знаю способа, каким меня можно было

бы убить. А смерти от старости я жду уже много тысячелетий.

— Жизнь — это не так уж плохо, — подумав, произнес профессор.

— Поверьте, она тоже надоедает, — невесело усмехнулась Нитокрис.

Ван Хельсинг долго молчал.

— Мне вас жаль, — наконец тихо сказал он.

Ожерелье глухо звякнуло, соскользнув с шеи ей в руку. Нитокрис, взъерошив волосы рукой, улыбнулась своему отражению. Когда ей последний раз целовали руки на прощание? Она была, наверное, единственным существом на Земле, которое могло сказать «тысячи лет назад» и при этом не соврать. Мелочь, конечно, учитывая ее образ жизни. Вдвойне мелочь — учитывая ее продолжительность жизни. Втройне мелочь — учитывая, что это был всего лишь человек.

Но это было чертовски приятно.

И это подкупало.

Нитокрис тихо рассмеялась, поймав себя на мысли о том, что у этого потомка слегка чокнутого и чуточку рассеянного голландского врача, вздумавшего истребить Дракулу, есть реальные шансы получить слепок с ее челюсти.

3

— Обратите внимание… — Преподаватель сладко зевнул в кулак, переложив скальпель в левую руку, и продолжал: — …на характер повреждений… Видите, ткани разорваны… — еще один отчаянный зевок, — в нескольких местах…

Студенты из тех, кто был покрепче и посвежее лицом, что выгодно выделяло их среди зеленевших в отдалении сокурсников, переглянулись. Преподаватель явно страдал от недосыпа.

— У вас вопросы? — обратил внимание на обмен взглядами профессор.

— Не по теме, — замялся один из студентов. По рядам прокатился негромкий смех.

— Вы еще можете смеяться, — отметил преподаватель. — Значит, для вас не все потеряно, господа, ибо наша специальность требует крепких нервов… Что хоть за вопрос-то?

— Личный, — выдавила одна из бледно-зеленых, но не утративших интереса к происходящему студенток.

Тихий смех перешел в сдавленное ржание.

— Задавайте, — усмехнулся преподаватель, отложив скальпель. — И попытайтесь меня удивить. Все равно меня вы уже

не слушаете.

— Профессор Ван Хельсинг, вы этой ночью спали? — пискнула вконец засмущавшаяся студентка, которая, видимо, никак не могла определиться, какой цвет подходил ее лицу больше — зеленый или пунцовый.

Ржание класса меркло в сравнении с тем, как хохотнул преподаватель:

— Нет, мисс Локвуд — вампиров ловил!

Судя по тому, что рассмеялись даже зеленолицые, лекция была благополучно сорвана. В последнее время, благодаря усилиям киноиндустрии, фамилия преподавателя была основой для анекдотов как среди студентов, так и среди профессоров.

— И не смотрите на меня с таким подозрением, — погрозил ученикам скальпелем Ван Хельсинг. — В конце концов, у меня тоже есть личная жизнь, господа студенты… Итак, мы остановились на характере повреждений…

— Э… профессор?.. Профессор! ПРОФЕССОР!!

Ван Хельсинг, всхрапнув, принял более сидячее положение, нежели секунду раньше, и, поморгав, воззрился на рискнувшего потревожить его сон лаборанта. Взгляд не обещал ничего хорошего: у профессора было «окно» — свободная от уроков пара, а нарушение полуторачасовой заслуженной дремы в среде учителей воспринималось как святотатство.

— Что? — угрожающе спросил Ван Хельсинг.

— Там… — Несчастный студик начал заикаться, но, несколько раз вдохнув и выдохнув, продолжил: — Там… к вам… посетитель! — Судя по интонации, посетитель поразил лаборанта в самую душу.

— Я, кажется, догадался… — пробормотал профессор, сопоставив вытаращенные глаза студента с собственными мыслями. — Пусть войдет. И не вздумай ее втихаря крестить, знаю я тебя…

Лаборант, уже успевший осенить себя крестным знамением, бросил на преподавателя умоляющий взгляд и вышел из кабинета. Ван Хельсинг встал со своего места и, оправив костюм, обернулся к открывающейся двери.

Он привык встречать любую жизненную неожиданность лицом.

— Добрый день, — улыбнулась вошедшая, порадовав профессора зрелищем собственных стоматологических особенностей. Двуцветные глаза скользнули взглядом по табличке на столе и слегка расширились. — «А. Дж. Ван Хельсинг»… Неужели тоже Абрахам?

— Артур. Добрый день. Чем… заслужил ваш визит?

Судя по выражению лица профессора, Нитокрис удалось его удивить. Конечно, он надеялся на внимание, но…

…не ожидал.

— У меня к вам… предложение. — Женщина слитным, грациозным движением опустилась на стул. Собранные на затылке в хвост черные волосы спадали ей на спину, открывая тяжелые серьги, мерцавшие старинным золотом. Царица сегодня отдала предпочтение черному цвету — она вся была будто погружена в эту черноту, строгость которой только подчеркивал деловой костюм и топ с воротником под горло. Если бы не царственная осанка, если бы не гордый профиль и ясный взгляд, если бы не тусклое золото украшений, то можно было бы подумать, что она пришла с похорон.

— Какое? — тихо спросил профессор.

— Вы не считаете, что в последние полвека проклятые твари вконец распоясались? — ровным деловым тоном осведомилась Нитокрис. Человек молча слушал. — Я лет двести назад, если не больше, последний раз «подравнивала» популяцию пьющих кровь и им подобных. Меня на всех не хватает, даже если списать со счетов всех профессионально истребляемых охотниками на нежить вампиров. Рано или поздно этот вопрос бы все равно возник, потому что в последнее время мои… хм… подданные слишком… размножились. Я вышла из последней спячки три года назад, профессор. Для меня это как один день, даже меньше. И в мои планы входила небольшая… войнушка. Хотелось бы проредить своих подданных.

— Что требуется от меня? — помолчав, спросил профессор.

— А вы еще не поняли?

Царица нечисти криво и очень невесело улыбалась. Ван Хельсинг молча смотрел в ее двуцветные глаза.

— «Он гнил, когда был молод Вавилон. Бог знает, сколько эр он продремал в земле…» — тихо процитировал человек, не отводя взгляда. Правильные черты лица Нитокрис исказила не то боль, не то горечь. — Я попал в точку? Вам просто нужна компания, вам, ровеснице богов?

— Вечность — это одиночество, профессор. Вы даже не представляете, *какое* это одиночество, — еле слышно шепнула вампирша. — Не стоит смеяться над этим.

— А я разве смеюсь? — тихо, в тон ей.

Нитокрис опустила глаза на сложенные в замок руки. Сейчас она меньше всего походила на царицу — она была похожа на до смерти усталую вдову в ее траурных одеждах. На его вопрос она не ответила — все и так было понятно.

Ван Хельсинг вздохнул и прошелся вдоль своего стола, словно решая, с чего ему начать говорить.

— Если я правильно понял, — наконец проговорил он, — то вы предлагаете вместе… проредить ваших подданных. Иными словами, одним махом лишить работы на много лет вперед и Таламаску, и Тринадцатый отдел Священной Инквизиции, и Королевский Орден Протестантских Рыцарей, не говоря уже о таких локальных организациях, как Круги Вампиров… — Профессор помолчал. — В этом что-то есть. Чем я заслужил такую честь?

— С вами интересно, — негромко отозвалась Нитокрис.

— Видели бы это мои предки… — протянул Ван Хельсинг. — Когда начинаем?

— Я вас встречу после занятий, — расцвела в лучезарной улыбке царица ламий.

— Это произведет впечатление, — усмехнулся профессор.

— Боитесь слухов?

— Чтобы *Ван Хельсинг* боялся слухов?!!

— Великолепно! — резюмировала Нитокрис, вставая. Без каблуков она была совсем ненамного ниже профессора. — Инструменты у вас…

— …всегда с собой.

— Узнаю породу! — осклабилась Нитокрис, поворачивая ручку двери. — Вы правда очень похожи… со своим предком. Только он был старше лет на двадцать, глаза были потемнее, он имел несчетное количество ученых степеней и не был столь… терпим с нечистью.

— Я могу понимать вашу последнюю фразу, как похвалу? — усмехнулся Ван Хельсинг.

— Скорее как тонкий комплимент… До вечера, профессор.

— До вече… эй, постойте — как насчет слепка зубов?

— У вас есть все шансы!

4

Сутулая фигура, приволакивая одну ногу и хрипло дыша, надвигалась на него. Бежать было некуда. Он видел подгнившие уже глаза твари, слышал, как хлюпали разлагавшиеся легкие, чувствовал запах мертвечины. Крик ужаса застревал у него в горле, превращаясь в тихое подвывание. Вот еще два шага, еще два шага — и его схватят… Он пискнул, увидев копошившихся в волосах твари червей…

— А ну-ка, парень, посторонись, — мягко посоветовал хриплый голос совсем рядом, — а то еще заляпает…

Вжавшись в стену, он со смесью ужаса и непонимания уставился на совершенно обычного человека в плаще и шляпе, что-то явно сжимавшего рукой под полой одежды. Полусгнившая тварь сделала еще шаг вперед, слепо царапая рукой воздух…

Он увидел по молниеносному движению человека, как из-под плаща вынырнула рука, из которой выскочило что-то блестящее. Несколько четких, но слишком быстрых для понимания движений — и парень, втянув в себя воздух, вытаращился на то, как тварь нехотя, словно не осознавая происходящего, по кускам обваливается на асфальт.

— Ты как? — обыденным тоном поинтересовался человек в шляпе.

— В… вы мне? — выдавил парень, громко стуча зубами после пережитого.

— Нет, ему! — съязвил человек, кивнув на кучу у своих ног, которая совсем недавно ходила и очень плохо себя вела.

— А… это… кто?..

— «Обитель зла» смотрел?

— Ну-у…

— Вот и вали отсюда, пока я добрый, — огрызнулся спаситель.

Парень не заставил себя уговаривать.

Человек, брезгливо обойдя окончательно умершую кучу, огляделся. От тени, сливавшейся со стеной дома, отделилась гибкая фигура женщины, деловито осведомившейся:

— Чем это вы его так, профессор?

Человек продемонстрировал большое, почти в фут длиной, и явно тяжелое распятие из темного металла.

— По голове били? — хохотнула женщина.

Профессор со снисходительной улыбкой повернул крестовину распятия. Из верхушки креста выскочило длинное блестящее лезвие.

— Кто-то говорил, что мои методы устарели?..

— Мило, — оценила Нитокрис, подходя ближе и касаясь лезвия. Тонкие пальцы царицы ламий медленно скользили по режущей кромке, оставляя на ней бисеринки крови. — Серебро? По спецзаказу делалось?

— Фамильная реликвия, — отозвался Ван Хельсинг. Льдистые глаза человека внимательно наблюдали за тем, как плавно приближаются к кончику клинка пальцы вампирши.

— Я отстала от жизни, — прокомментировала она, не отрывая взгляда от серебряного лезвия, по которому стекала кровавая роса.

— Вам руки не жалко? — вопросительно приподнял брови

Ван Хельсинг.

Вместо ответа Нитокрис, мрачно улыбнувшись, сделала шаг вперед, оказываясь к Ван Хельсингу вплотную. Мужчина непроизвольно вздохнул, увидев, что лезвие проткнуло ее насквозь и теперь торчит из спины у женщины.

— Мне все равно, — тихо и очень спокойно сказала она. — Мне просто все равно.

Ван Хельсинг повернул ручку, и лезвие втянулось в крест.

— Вам не больно? — спросил он.

— Уже нет, — вяло усмехнулась вампирша. — Секунд через пять и следа не останется — я недавно выпила много крови, она лечит вампиров…

— Но боль вы все-таки чувствуете, — склонил голову набок человек.

— Я много чего чувствую, — шепнула царица ламий. Окровавленные пальцы женщины, тонкие, чуткие и очень холодные, легонько провели по щеке человека. Ван Хельсинг дернулся, как от электрического разряда, и совершенно непроизвольно отшатнулся. Нитокрис слабо улыбнулась и так же негромко добавила: — Да и вы тоже.

Человек умоляюще посмотрел на нее. Оторвать взгляд ему удалось не сразу, тем более что глаза у них с царицей ламий были почти на одном уровне.

— Зачем вы так… — только и смог выговорить Ван Хельсинг.

— Не надо меня бояться, — мягко сказала вампирша, снимая с головы человека шляпу.

Отступив еще на шаг, он понял, что битва проиграна — позади была стена.

— Это совсем не страшно, — шепнули ему в ухо кроваво-красные губы, скользнув вниз, по шее.

Распятие со звоном выпало на асфальт из разжавшихся пальцев Ван Хельсинга.

5

Рассвет крался по небу искрящейся золотистой полосой, подсвечивая небо розовым. К западу протянулась светлая нежно-зеленая полоса, к стороне заката перетекавшая в лиловую, размытую, переливавшуюся перламутром и переходившую в чистую синеву неба. Белая, с налетом туманной зелени, монета круглой луны висела в небе, паря в лилово-голубом обрамлении над золотившимся в лучах раннего солнца городом. Синие столбы дыма из промышленных труб упирались в желтизну восточного края неба, зеленое кружево деревьев мелькало между домов, по

лентам дорог ехали редкие автомобили, поблескивая стеклами в рассветных лучах.

Ван Хельсинг, откинув с лица пребывавшие в неимоверном беспорядке волосы, встретился взглядом с довольно мутными глазами собственного отражения. Лицо в зеркале вроде бы было знакомым, но впечатление портили глаза — как у пьяного кролика после прямого попадания в него молнии. Выражение в них тоже было неописуемое — впечатляющий набор, начиная с растерянности и заканчивая каким-то неприличным для ученого мужа свинячим восторгом. Насмотревшись на собственное лицо, Ван Хельсинг внезапно понял, что решительно ничего не помнит — начиная с того момента, как у него из рук вывалился крест. С одной стороны, оно и к лучшему, мрачно подала голос более рассудительная часть личности профессора. А с другой — как-то немного обидно, пискнула часть авантюрная. Ван Хельсинг сердито фыркнул, прогоняя мысли. Внутренние голоса вняли приказу рассудка и заткнулись.

Сделав было шаг от зеркала, профессор вернулся и, повинуясь смутному подозрению, рванул с сторону воротник весьма новаторски (не на ту пуговицу) застегнутой рубашки так, чтобы в зеркале была видна шея.

Следов укуса не было. Или, во всяком случае, не было видно. Можно было выдохнуть и расслабиться.

Ван Хельсинг наконец обнаружил неисправность в том, как застегнуты пуговицы на рубашке, и сокрушенно вздохнул. Память отчаянно сбоила, отчего взгляд в зеркале грустнел на глазах. Оставалось разве что найти Нитокрис и спросить…

«Кстати, где она?».

Взгляд профессора прошелся по отраженной в зеркале комнате, мимоходом отмечая детали художественного разгрома, но искомой фигуры не обнаружил.

«Может, она в зеркалах не отражается?» — озадачились оба внутренних голоса. К изумлению Ван Хельсинга, изволила отозваться память: «Да ночью вроде отражалась…».

Ван Хельсинга немного перекосило при мысли о том, при каких именно обстоятельствах Нитокрис могла отражаться ночью в зеркале — в зеркале в *его квартире*. Память снова сделала вид, что ее тут нет, за что профессор ей был искренне благодарен.

Через три с половиной часа у него начиналась лекция. Ван Хельсинг разродился очередным сокрушенным вздохом, подобрал с пола весьма затейливо скомканный пиджак, отвернулся от зеркала и пошел искать портфель с инструментами.

Блудный инвентарь нашелся в прихожей — между одинокой

туфелькой явно не профессорского фасона и размера, и помятой шляпой. По пути Ван Хельсинг еще не раз порадовался внезапной амнезии и собрал обильный урожай из плаща, пары непарных предметов обуви (своего ботинка и второй женской туфельки), висевшего на спинке стула галстука, завязанного двумя смахивавшими на морские узлами в самых неподходящих местах, лежавшей поперек прохода вешалки для верхней одежды и приталенного черного френча, от которого исходил слабый, но знакомый аромат каких-то известных духов, названия которых профессор не помнил. Вслед за каждой следующей находкой память вяло подавала признаки жизни, побуждая воображение профессора строить все новые и новые догадки и гипотезы. Так что достиг портфеля Ван Хельсинг с жуткой головной болью, вытаращенными глазами и твердой уверенностью в том, что яркое воображение — это зло.

Упорядочив трофеи путем частичного надевания на себя, профессор, морщась от нытья внутри черепной коробки, открыл дверь на кухню. Так как все это время он находился в непрерывном и непродуктивном диалоге с собой, то взгляд профессорских глаз, опущенный вниз, сначала уперся в босые ноги со слишком острыми для человеческих черными когтями и затейливым узором на одной из щиколоток. Ван Хельсинг автоматически остановился и начал медленно поднимать взгляд вверх, четко осознавая, что лучше бы этого ему не делать.

Легкие брюки из черного шелка, полоска бледной кожи, черный топ с воротником под горло, открытые плечи, изящные руки легко удерживают полный кофейник (судя по обилию пара и недвусмысленному шипению — раскаленный), кончики серег чуть подрагивают, почти касаясь кожи, красная прядь запуталась в волосах цвета ночи… Одновременно с каждой деталью память безжалостно возвращалась.

— Кофе? — улыбнулась царица ламий.

— Лучше сразу цианида, — выразил желание профессор.

Вампирша тихо рассмеялась:

— Стул слева, аспирин в аптечке, вода в графине, стаканы в буфете.

— Это я помню, — криво улыбнулся Ван Хельсинг.

— Ты в порядке? — вскинула брови Нитокрис.

— Можно и так сказать. Я не помню из вчерашнего больше половины, — мрачно отозвался профессор. — Хотелось бы знать, почему.

— Артур… — Ван Хельсинг мысленно застрелился после такого обращения. — Позволь себе извинить мои инстинкты. Я долго была в спячке, а последние три года контактировала

исключительно с едой. — Нитокрис отставила кофейник и пожала плечами. — Самосохранение — сложная вещь у вампиров. Мы страхуемся магией крови… причем совершенно автоматически. Жертву погружаем в гипнотический транс. Вполне возможно, что он блокирует память.

— Спасибо за утешение, — убитым голосом отозвался человек, запивая аспирин.

— Три маленьких поправки, — криво усмехнулась царица ламий. — Во-первых, я машинально начала вводить тебя в транс, но оборвала процесс на середине. Во-вторых, я понятия не имею о том, вызывает ли такое колдовство… такое воздействие потерю памяти — трупы обычно не склонны распространяться о своих ощущениях, если ты успел это заметить. И в-третьих… — зеленые с синим ободком глаза Нитокрис не улыбались, когда вампирша присела рядом с профессором и нерешительно взяла его за руку. Пальцы у нее не были холодными, но Ван Хельсинг все равно вздрогнул. — Артур, ты не жертва. Ты человек, которого я выбрала в попутчики на ближайшее будущее. Если тебя это не устроит, если ты испугаешься моего бессмертия — я уйду. Просто попытайся меня понять.

— Чувствую себя последней скотиной, — признался Ван Хельсинг. Вампирша непонимающе вскинула брови. — Встань, пожалуйста. Нитокрис, это сугубо мужское дело — стоять на коленях… и уж тем более это не подходит царице.

Повелительница высших вампиров, непонимающе моргнув, выпрямилась одновременно с тем, как встал со стула Ван Хельсинг. Профессор задумчиво посмотрел на выражение лица Нитокрис и не слишком уверенно произнес:

— Последняя лекция у меня заканчивается в шесть… Тебя не затруднит, если я заеду за тобой в половине седьмого?

— Но ты не знаешь, где я живу!

— Я найду, — улыбнулся человек.

Было бы удивительно, если бы охотник за нечистью из рода Ван Хельсингов ответил царице ламий иначе. Искать и находить вампиров было его профессией.

6

Он ее не нашел.

Он не чувствовал поблизости ни одного высшего вампира вообще. Он не чуял ламий. Во всем городе были только вторичные, когда-то бывшие людьми вампиры, и несколько мертвяков-упырей, которых, впрочем, скоро не стало. Он отыскал старый дом с заросшим садом и пустыми комнатами. Пустыми —

кроме одной, где он нашел пыльные, набитые книгами шкафы. Старинные картины, затянутые паутиной. Большое кресло в комнате без окон. Простенький радиоприемник. Стол, на котором легкомысленно лежало золотое ожерелье, стоял флакон духов «XS» и текстом вниз спала раскрытая книга в полуистлевшем переплете. И платяной шкаф с зеркальными дверцами. Только это — и пустой, пугающе пустой дом.

Он ее не нашел. И ему вдруг стало страшно.

Два дня он не мог читать лекции. Все выходные он просидел в заброшенном доме, уже не надеясь на то, что дождется ее. В понедельник вечером он понял, что она не придет.

Для тех, кто носил фамилию «Ван Хельсинг», чутье на нечисть было врожденным. Когда профессор повернул ключ в замке двери своей квартиры, он уже знал, что внутри его ждет вампир. Вот только у этого вампира явно не было чутья на охотников на нечисть…

— Готов спорить, что это больно, — хрипло проговорил Ван Хельсинг, глядя на то, как шипит на высокой ноте вампир, вытаращенными глазами уставясь на всаженное в свою грудную клетку по самую крестовину распятия, служившую гардой, серебряное лезвие. «Вампир…» — с презрением подумал профессор. — «Совсем еще мальчишка… Вот такие и ведутся на сказки о вечной жизни и огромном могуществе, хотят быть избранными…». Профессору было противно.

— Ва… н… Хе-ель… синг!! — просипел вампир.

— Похоже, меня знает вся местная нежить, — мрачно прокомментировал мужчина, небрежным пинком спихивая исходившего хрипом красноглазого сопляка на пол и деловито закрывая дверь за собой.

— В… ва-а-ргхх…

— Хочется пообщаться? — осведомился Ван Хельсинг, глядя на вампира сверху вниз.

Тот внезапно сипло и тонко захихикал. Профессор нахмурился.

— М… мои… бра… тья, — оскалился в лицо человеку вампир, — за… грызли твою… королеву, человечишка!

Лицо Ван Хельсинга окаменело.

— Пошли, — тихо сказал он, поднимая красноглазого паренька за шиворот. — Я прекрасно знаю, что твой вид серебро только обездвиживает, поэтому… пошли. Встретим рассвет. А я подожду… и посмотрю…

Все оказалось так просто, подумал профессор, глядя на то, как в ужасе вытаращил глаза вампир. Эти сопляки испугались Нитокрис. Испугались настолько, что убили свою царицу. Может,

она когда-нибудь и восстанет, но к тому времени Ван Хельсинг уже успеет состариться и умереть… Профессор отдернул занавески и пустым взглядом посмотрел на темное небо. Утро было еще не близко. Ван Хельсинг перешагнул через беспомощно шипевшего вампира и налил себе кофе. Он подождет рассвета. Он всегда умел ждать.

Вставшее солнце медленно, сантиметр за сантиметром, спалило молодого вампира. Ван Хельсинг с непроницаемым лицом смотрел на то, как свет приближался к голове красноглазого паренька, верещавшего на всю округу. Ван Хельсингу было плевать, что на крики могут прибежать соседи. Ему вообще было все равно. Хотелось напиться. Заснуть. Умереть. И забыть.

За следующую неделю он не спал ни одной ночи.

Он не считал, сколько вампиров убил.

Но ему было мало.

— Профессор Ван Хельсинг!

— Доктор Найджел? — Человек, с полей шляпы которого лил дождь, выдал бледную улыбку.

Молодой врач растерянно улыбнулся в ответ: Ван Хельсинг выглядел гораздо старше, чем две недели назад. Найджелу почудилось, что тот постарел лет на десять, не меньше. Впрочем, возможно, он просто не высыпался как следует…

— …доставили потрясающий труп! — захлебываясь от восторга и бурно жестикулируя, рассказывал Найджел Ван Хельсингу по дороге к прозекторской. — Смертельных ранений — бессчетное множество, есть даже укусы, но я не могу понять, что послужило причиной смерти! Профессор, вы должны это видеть! Вы просто обязаны провести вскрытие!

— Это интересно, — соизволил разомкнуть уста молчавший всю дорогу Ван Хельсинг. — Тело сильно разложилось?

— Д-да, пожалуй, достаточно сильно — тем более, что его подвергали… э… термической обработке…

— Жгли? — уточнил профессор.

— Да… но я его… немного почистил. Копоть, земля…

— Насекомые?

— Были — я их тоже убрал. Но основные… детали не трогал.

— Прекрасно, — сдержанно похвалил Ван Хельсинг. — Готовьте инструменты.

— Доктор Найджел!

Молодой врач, как раз раскладывавший на столике скальпели, обернулся на странно напряженный голос Ван

Хельсинга.

— Что это? — тихо спросил неестественно-бледный профессор, указав на то, что лежало на соседнем столе.

— О, это самое интересное! — оживился Найджел. — Похожи на акульи, правда? Только маленькие… Это слепки зубов трупа, который…

Ван Хельсинг не стал дожидаться, пока доктор договорит. В два шага профессор оказался около стола, на котором лежал труп, и рывком откинул с тела покров. Молодой врач вздрогнул, увидев выражение глаз профессора.

— Вы не вытаскивали осиновые колья? — почти шепотом спросил Ван Хельсинг.

— Мы оставили все, как есть; а почему вы…

— Распятия и цепочки тоже не трогали?

— Нет, но…

— Она лежала в земле?

— Некоторое время, но объясните, наконец, в чем…

— Доктор Найджел, — тихим, страшным голосом проговорил Ван Хельсинг, не отрывая взгляда от лежащего на столе тела, — ее истыкали кольями, фаршировали освященным серебром, свернули шею, выпили всю кровь, не оставили целых костей, немного поджарили, окропили святой водой и зарыли в землю. И после этого вы хотите, чтобы я ее *резал?*

— Резал? — тупо переспросил врач. С этой точки зрения он, видимо, аутопсию никогда не рассматривал.

— Выйдите, пожалуйста. — Ван Хельсинг не смотрел на него. — Я установлю причину смерти, только, ради всего святого, уйдите и никого сюда не впускайте. Я понятно выражаю свои мысли?..

7

Когда дверь за оторопело молчавшим Найджелом закрылась, Ван Хельсинг осторожно, словно боясь причинить ей боль, вынул из тела черноволосой женщины с зубами акулы осиновые колья, бережно размотал узлы на церковных цепочках, освободил раны от засунутых в них распятий. Руки у него дрожали. У женщины был размозжен череп, слипшиеся от крови и оплавившиеся от огня волосы не закрывали дыру, а красная прядь нелепо извивалась на фоне гнилого содержимого пробитой головы. Полоска плоти с лица была просто срезана, один глаз провалился внутрь черепа, другой вытек. Разрыв с обугленными краями посередине щеки делал видимой странную усмешку острых, загнутых внутрь зубов, скалящихся на профессора из дыры.

Сломанные ребра проткнули бок. Живот был вспорот. Ван Хельсинг смотрел на все это и не мог поверить, что перед ним — самая ослепительная женщина на Земле, ровесница богов и повелительница бессмертных… Профессор стянул перчатки, нашел жесткий стул и сел перед столом, на котором лежало изуродованное тело. Безнадежно мертвое тело.

— Нитокрис, — тихо проговорил Ван Хельсинг, внезапно понимая, что не может даже представить боль, которую она пережила перед смертью. — Нитокрис, что они с тобой сделали?..

— Испугался?

Он вздрогнул, когда ввалившийся глаз трупа открылся и, повращавшись в глазнице и сменив тыльную, поблескивавшую белком сторону на лицевую, моргнул, фокусируя взгляд на человеке. Он потерял дар речи, когда открылся второй глаз, которого секунду назад вообще не было. Он чуть не отдал богу душу, когда переломанное, искромсанное, опаленное и обескровленное подгнившее тело приняло сидячее положение и грустно посмотрело на него. Разложившиеся губы разошлись в подобии улыбки:

— Это и называется «абсолютное бессмертие», Артур.

Ван Хельсинг не запомнил, что сказал, но это определенно была замысловатая смесь из молитвы и богохульства.

— У меня к этому аналогичное отношение, — жутко усмехнулась изуродованная маска лица.

— У тебя же… шея сломана?

— Шею срастить — не проблема, — тихо сказало Нитокрис. — Еще полмесяца — и буду как новенькая…

Ван Хельсинг заглянул к ней в глаза. В них стояли слезы дикой боли, и физической, и душевной. Горькие слезы. Молчаливые. «Кровь лечит вампиров», — внезапно вспомнил профессор. Ей просто нужна была свежая кровь. Но она молчала об этом. И даже пыталась улыбаться.

Профессор несколько секунд смотрел на нее, потом снял халат, ослабил узел галстука, расстегнул пару верхних пуговиц на рубашке. Абсолютно бессмертное существо, не мигая и не дыша, смотрело на него со странным выражением в двуцветных глазах.

— Угощайся, — проговорил Ван Хельсинг, отводя воротничок рубашки в сторону так, чтобы была видна пульсирующая на шее артерия. — Только мне оставь немного, хорошо?..

Из пробитой груди, из которой торчали обломки ребер, вырвался вздох. По полусгнившим щекам царицы ламий бежали слезы, последняя жидкость в ее организме, оставляя разводы на рыхлой, измазанной в земле, крови и копоти коже.

— Ты — первый человек, который, видя меня, так

поступил, — тихо сказала Нитокрис.

Ван Хельсингу не хотелось думать о том, что она испытывает, какую боль чувствует с такими ранами, но он не мог не заметить, как исказилось ее лицо, когда она встала на переломанные ноги. Встала и подошла к человеку, который вздрогнул, оказавшись в чутком кольце ее изъеденных червями рук. И гибким движением склонилась к его шее.

Ван Хельсинг взвыл, когда зубы Нитокрис вонзились в шею профессора — он на миг осознал, почувствовал, осмыслил всю боль вампирши. И провалился в странный… сон?

8

Кровь медленно перетекала из одних вен и артерий, наполняя другие, питая их древним, испытанным, страшным колдовством, которое вампиры называли магией крови. Профессор краем сознания ощущал, как с хрустом встают на место вывернутые суставы, как, потрескивая, срастаются, восстанавливаются переломанные кости, как выправляются сгнившие и спекшиеся легкие, как каждая новая капля крови пробуждает целые ткани, разглаживает кожу, наполняет жизнью и силой тело, все крепче сжимавшее профессора в тисках объятий. Голова взрывалась каскадом бессвязных мыслей на множестве языков, диалектов и наречий, в ушах, заглушая шум тока крови, звучали обрывки фраз, слов, песен… Он даже не знал языков, на которых они были произнесены. Но он понимал все.

Мама, почему у тети такие зубки?

Отойди от нее, дочка, она мертвая… не трогай ее…

Мама, тетя на меня смотрит!

Она не может, маленькая, она умерла.

Я… не… умерла…

Боги, защитите нас! Ты же мертвая!

Я живая, живая, вам почудилось… не бойтесь…

Сжечь ее! На костер!

Но я же живая!!

Ты не живая, ты немертвая! Немертвая! Носферату! Сжечь ее!

Не надо огня! НЕ НАДО ОГНЯ!!!..

Ван Хельсинг судорожно вздохнул, почувствовав жар пламени, поняв, что значит «возродиться из пепла», собираясь по молекулам, пробуждаясь к бессловесной жизни, когда на часть твоего праха упадет капля крови… Века гонений, века, с которыми приходило страшное понимание абсолютного бессмертия, века сна в склепах, века охоты сначала на людей, а потом и на вампиров, века крови, славы, страха, пиршеств и вечного одиночества — все это приходило с обрывками фраз, фрагментами мелодий, забытыми образами… Голова кружилась, годы и столетия проносились перед глазами…

Внезапно пришла тишина. Она вела за собой темноту. А за ними наступила пустота. Время кончилось. Чувства ушли, оставив только солоноватый привкус на губах и языке.

А потом в пустоте что-то появилось, и она перестала быть пустотой.

А потом в темноте зажегся свет, и она перестала быть темнотой.

А потом в тишине зазвучал голос, и она перестала быть тишиной.

Голос звал его по имени.

Ван Хельсинг моргнул, фокусируя зрение. Глазам был виден увлекательно-зеленоватый потолок морга. Лежу, понял человек. Видимо, на полу. Профессор, ощущая неприятную слабость во всем теле, поморщился и принял сидячее положение. Стол, на котором должно было проводиться вскрытие, пустовал. Более того, на нем не было и следа того, что там лежало. Профессор не увидел ни инструментов, ни кольев, ни серебряных цепочек и распятий — все было стерильно чисто.

— Я немножко прибралась, — тихо сказал хрипловатый женский голос. Ван Хельсинг обернулся. Нитокрис, кутаясь в больничный халат, сидела на соседнем столе — такая же молодая и красивая, как в тот раз, когда он ее впервые увидел. Только волосы были немного короче. С них стекала вода. — Прошлась по зданию госпиталя, усыпила парочку санитаров, подправила память одного настырного врача, нашла душ… — Женщина улыбнулась и добавила: — Мне было бы стыдно показаться перед тобой измазанной кровью и грязью, Артур. Ты и так слишком много видел.

— Ты мне и такая нравишься, — усмехнулся Ван Хельсинг,

опираясь на перевернутый стул и вставая. — Пойдем отсюда.

— Пойдем, — сказала она, встав со стола и протянув к нему руки. — Я сделаю так, чтобы нас никто не видел…

— Я имею право на просьбу?

— Проси, чего хочешь. Всегда.

— Когда я тебе надоем… или когда состарюсь окончательно… не уходи, Нитокрис. Лучше *выпей* меня до дна. Хорошо?

Вампирша хитро прищурилась:

— Для начала попробуй мне надоесть. А состаришься ты еще нескоро — лет на сорок позже положенного. Считай это подарком, Артур — мне все равно некуда девать свое бессмертие…

Ван Хельсинг изумленно смотрел на нее, не зная, что ему ответить. Нитокрис легко рассмеялась, глядя на его ошеломленное лицо.

— Кстати, о подарках… — Она протянула руку: на ладони царицы вампиров лежали гипсовые слепки ее челюстей. — Они единственные в своем роде, но не думаю, что они тебе нужны… Есть идеи?

— Оправим в рамочку и будем хранить, как семейную реликвию, — усмехнулся Ван Хельсинг.

— Не лишено очарования, — оценила вампирша.

— Есть еще одна мысль, — прищурился человек. — Ты в курсе, кто сейчас стоит во главе Королевского Ордена Протестантских Рыцарей?..

— Вам посылка, леди Интегра.

Молодая женщина с очень светлыми волосами, свободно спадавшими на спину и белевшими на фоне пиджака, обернулась и смерила дворецкого взглядом больших и пронзительно-холодных голубых глаз, смотревших из-за стекол круглых очков в тонкой оправе.

— Мне казалось, что вся почта должна лежать у меня на столе, — полувопросительно проговорила она. Голос у нее был хриплый, что было неудивительно — у леди в зубах дымилась дорогая сигарета. Явно не первая за сегодня. И однозначно не последняя.

— Думаю, вам стоит взглянуть, — мягко отозвался дворецкий, отдавая хозяйке сверток.

Светлые брови женщины дрогнули, когда она прочла обратный адрес. Голубые глаза главы Королевского Ордена Протестантских Рыцарей поднялись на слугу, и она ошеломленно озвучила прочитанное:

— *Артур Ван Хельсинг?*

— Ваш двоюродный дядя, — негромко напомнил дворецкий.

— Меня родной чуть не убил, — пробормотала женщина, затушив сигарету и разворачивая сверток. Слуга понятливо попятился к двери. — Не хватало еще бомбы от двою… Он издевается! — громко произнесла леди Интегра Ван Хельсинг.

Дворецкий отметил, что она слегка улыбается. Женщина тем временем продолжала комментарий:

— Уолтер, вы только послушайте: «Прошу простить меня за то, что частично лишаю вашу организацию работы, являясь вашим невольным конкурентом… однако, на мой взгляд, вам вполне хватает проблем с искусственными вампирами… В знак моей искренней признательности…».

Интегра запнулась. Дворецкий стал свидетелем увлекательнейшего зрелища: глаза главы Королевского Ордена Протестантских Рыцарей полезли на лоб, обгоняя друг друга. Ван Хельсинг перечитала последние строчки письма, вложенного под упаковку посылки, еще раз и перевела изумленный взгляд на коробку, извлеченную из-под оберточной бумаги. Женщина быстрым движением поддела крышку пальцами и уставилась на большую, поблескивавшую лакированным деревом рамку вроде тех, в которые любители насекомых оправляют ненаглядных бабочек, жуков и скорпионов.

— Он точно издевается, — убежденно проговорила леди Интегра, глядя на гипсовые слепки зубов. — Как вы думаете, Уолтер, это будет смотреться рядом вон с тем портретом?

© *anorwen*

27.10–01.11.2004